

Прошлое

Чу Цы задумчиво кивнул. Такой способ набора рекрутов казался ему куда более справедливым. К тому же в последние годы империя не вела крупных войн, и армия в основном занималась искоренением бандитизма. Однако стоило вспыхнуть настоящему пожару войны, и государству вновь пришлось бы прибегнуть к принудительной повинности — ведь без страны не будет и дома.

— Брат Чу, сначала я должен нанести визит наставнику. Позже я попрошу его освободить вас от занятий. Я уже заказал столик в «Обители тихой травы», так что после уроков отправимся туда, — произнес он.

Юноша рассудил, что это будет весьма кстати. Он как раз намеревался обсудить с Коу Цзином одно важное дело, и уединенная обстановка ресторана подходила для этого куда лучше, чем стены училища, где у стен могли быть уши.

— Цзин-эр, ты вернулся?

Лицо главы академии Кун Чжаожу расплылось в улыбке при виде своего самого выдающегося ученика. Глядя на него, наставник сиял так, как никогда не сиял при встречах с Чу Цы. Казалось, лишь этот воспитанник мог сравниться в остроумии с тем маленьким хитрецом.

— Благодарю вас за заботу, учитель. Я безмерно признателен, что вы помните обо мне. По пути я нашел несколько редких чернильных камней и прошу вас не отказывать мне в этой скромной радости — примите их, чтобы они всегда были у вас под рукой, — с этими словами Коу Цзин почтительно преподнес подарок.

— Ох, ты как всегда слишком церемонен, — со смехом отозвался Кун Чжаожу. Он принял подношение, и хотя на словах пожурил ученика, в душе был глубоко тронут — внимание и почтение всегда приятны учителю.

— Раз уж тебя перевели в провинцию Сицзян вместе с командующим, видется нам теперь будет проще. Ты прибыл домой с каким-то особым поручением?

В прошлый раз Коу Цзин уже использовал свой отпуск, поэтому глава Кун догадался, что нынешний визит связан с делами службы.

— Я прибыл для набора рекрутов.

«Рекруты?» — Кун Чжаожу на мгновение нахмурился, но, выслушав объяснения гостя, понимающе кивнул.

— Прежде чем приступать к делу, вы должны всё доходчиво разъяснить людям. Нельзя допустить, чтобы народ решил, будто началась принудительная мобилизация. Негоже сеять в сердцах людей тревогу и страх.

— Вы совершенно правы, учитель. Я непременно исполню ваши наставления.

— Ну, не будь так серьезен. Кстати, ты долго пробыл в лагере, не забросил ли свои труды? Вот, возьми-ка эту тему и попробуй написать рассуждение.

Тысячник принял лист. Тема гласила: «Если должным образом провожать умерших и чтить память далёких предков, то нравы в народе будут улучшаться».

Он взглянул на Кун Чжаожу и заметил в его глазах странный, лукавый блеск. Но раз наставник велел, ученик обязан исполнить. Поразмыслив некоторое время, тот принялся за письмо...

Перечитывая готовую работу, глава Кун довольно шурился. Видите ли, его ученик, даже вдали от книг, не утратил мастерства! Такое сочинение мог написать только истинный книжник.

— Цзин-эр, помни: хоть ты и посвятил себя мечу, не смей предавать забвению науку. Только тот, кто сочетает в себе таланты воина и ученого, может зваться истинным мужем.

— Слушаюсь.

Кун Чжаожу бережно свернул свиток.

— Мне нужно обсудить кое-что с учителем Цинем и остальными. Можешь пока осмотреться здесь. А когда придет время обеда, бери племянника и приходи ко мне в дом. Я велел твоей шинай приготовить пару лишних блюд.

Наставнику не терпелось пойти и похвастаться успехами своего любимца.

— Учитель, я не смею пренебрегать вашим приглашением, но я уже обещал встретиться с другом. Прошу вас, не считите за неблагодарность.

— Что ж, ступай. Нам, учителю и ученику, ни к чему эти лишние формальности.

Глава Кун был знатоком «Книги ритуалов» и всегда следовал правилу «сдерживать себя и соблюдать ритуал», но, видя, как легко ладит учитель Цинь со своими подопечными, он втайне

немного им завидовал.

— И еще... Я хотел бы попросить вас отпустить на сегодня нескольких учеников. После занятий им нужно выйти за пределы училища.

— Называй имена, — великодушно разрешил Кун Чжаожу.

Однако, услышав фамилии, он осекся. Даже свиток в руках вмиг перестал казаться таким ценным.

— Ступай... Разрешаю...

Коу Цзин, не догадываясь о внутренних противоречиях своего наставника, с легкой улыбкой откланялся.

«Обитель тихой травы» считалась в уезде Юаньшань местом весьма утонченным. Убранство здесь было куда изысканнее, чем в обычных трактирах.

Чу Цы и его спутники расположились в отдельном кабинете. Атмосфера за столом царилась самая теплая. В углу комнаты стояла небольшая кушетка, и дети, подкрепившись и немного поиграв, вскоре сладко засопели.

Когда они уснули, тысячник велел слуге убрать посуду и подать чай.

— Брат Мочжи, у меня есть к тебе просьба. Не знаю, сможешь ли ты помочь?

— В чем дело? Говори без утайки.

— Я хочу, чтобы ты разузнал об одном человеке. Меня интересует всё о его семье и окружении.

Собеседник посерьезнел.

— Он чем-то оскорбил тебя?

В его глазах Чу Цы всегда был человеком рассудительным, и если он решил прибегнуть к таким мерам, значит, противник того заслужил.

Юноша вкратце пересказал события последних дней. Выслушав его, Коу Цзин помрачнел, а его взгляд стал холодным как лед.

— Какое бесчестие! Эти люди читают священные книги, а на деле ведут себя как последние негодяи. Из-за мелкой зависти они раз за разом пытаются погубить тебя.

— Вот именно. Я и сам не пойму, откуда у них столько свободного времени. Лучше бы книги читали или задачи решали. Но раз уж они решили идти до конца, я не отступлю. Прошу тебя, помоги мне в этом, брат Коу.

— Сегодня же отправлю людей всё разузнать. Но и ты будь настороже, — наказал тот.

— Непременно. Буду ждать от тебя вестей в училище.

Этот узел завязан, теперь пора раздуть пламя.

Хэ Цзинь последние два дня не находил себе места. В его памяти раз за разом всплывал образ Шэнь Юэ — тот его исступленный вид и та пугающая решимость, с которой он бросился на камни.

Поначалу, когда Шэнь Юэ только разоблачил Чу Цы, студент даже обрадовался. Он думал, что этот скандал наконец вышвырнет выскочку и его компанию из училища. Но события приняли скверный оборот. Всё закончилось тем, что несчастный, едва не лишившись жизни, был с позором изгнан, а Сюй Цзянь, потративший годы на учебу, в один миг лишился всех званий и надежд.

Стоит ли винить в этом Чу Цы? Конечно стоит! Если бы тот не был столь настойчив, если бы не жаждал во что бы то ни стало добраться до истины, трагедия не была бы столь масштабной. Однако глубоко в душе тихий голос возражал: «Нет, он поступил правильно».

Так кто же виноват?

Он вспомнил о другом человеке. О том, кто в его глазах всегда был воплощением чистоты и благородства — о Ци Сюе. Тот всегда держался с безупречным достоинством, выделяясь среди выходцев из их захолустного уезда своим изяществом.

Молодой человек был очарован им с первой встречи. Стоя рядом с кумиром, он неизменно ощущал собственную ничтожность. Но Ци Сюй никогда не выказывал пренебрежения — беседа с ним была подобна теплоте лучу света, согревающему душу.

Тот деревенщина, перешедший из академии Цишань, был первым, кто заставил Ци Сюя нахмуриться на глазах у всех. Разузнав подробности, Хэ Цзинь искренне возмутился: как учитель Цинь мог взять в ученики такого трусливого, жалкого бедняка?

Порицать наставника было нельзя, а значит, виноват был сам выскочка. Они издевались над ним, осыпали насмешками и унижениями, желая, чтобы тот поскорее понял — он недостоем своего места, и сам отказался от ученичества в пользу Ци Сюя.

В тот год приближались провинциальные экзамены, но Ци Сюй внезапно слег. Жар никак не спадал, и надежда на сдачу таяла на глазах. В беспомощности юноша бредил.

Он то шептал: «Простите, предки, я не оправдал ваших надежд», то сокрушался, что годы учебы прошли впустую. Но чаще всего с его губ срывались слова: «Я проиграл». Тот и не догадывался, что превосходство над Чу Цы уже давно стало для Ци Сюя навязчивой идеей.

Словно бес попутал Хэ Цзиня, и он начал наводить справки. На каждом экзамене находились те, кто надеялся на удачу и пытался мошенничать: кто прятал шпаргалки, кто покупал ответы.

Удача сопутствовала ему: вскоре он нашел нужного человека — кандидата из другой академии. Тот происходил из влиятельной семьи, но с детства был бездельником — говорили, звание сюэца он просто купил. Перед экзаменами он, как и следовало ожидать, раздобыл ответы.

Юноше хватило нескольких встреч, чтобы убедить того простака: Чу Цы — блестящий ученик. Стоит лишь подкупить стражника, и можно будет списать все его ответы прямо в зале.

Тот малый действительно втерся в доверие к жертве, и за пару дней они едва ли не побратались. Перед самым входом в экзаменационный зал он вручил Чу Цы красный шелковый мешочек, уверяя, что в нем особые травы для бодрости духа. Юноша заглянул внутрь и, не найдя ничего подозрительного, положил его в свою корзину. Он и не ведал, что это был условный знак для подкупленного стражника.

Хитрец умудрился спрятать купленные ответы в своей прямой кишке, так что обыск ничего не дал.

Однако, оказавшись на месте, он так и не дождался условленного стражника и понял, что его обманули. К счастью, ответы были при нем. Когда он поднял руку, чтобы отлучиться в уборную, за ним увязались двое стражников. Его подозрительное поведение быстро выдало его, и бедолагу схватили, оставив разбирательство до конца экзаменов.

После трех туров двери Гунъюаня запечатали. Начался допрос. Не выдержав побоев, задержанный во всем сознался: и что ответы купил, и что стражника пытался подкупить. Его речи были путаны, но факт мошенничества был налицо, и чиновники уже готовы были вынести приговор.

Но тут кто-то вкрадчиво заметил: перед экзаменами его часто видели с неким земляком. Уж не тот ли это сообщник, что должен был передать ответы?

Обвиняемый сначала опешил, а потом закивал. Хотя Чу Цы ни о чем не знал, тот малый действительно собирался списать у него, а потому подтвердил знакомство и рассказал о красном мешочке.

Бедный юноша... После экзаменов он, обессиленный, крепко спал в гостинице, когда в комнату ворвались стражники. Его выволокли на суд прямо в нижнем белье...

Когда он вновь встретил Чу Цы спустя время, тот больше не был похож на прежнего забитого ученика — теперь он был красноречив и остроумен, с легкостью перечисляя грехи своих врагов. Когда Хэ Цзинь оказался в тупике, Ци Сюй неожиданно заступился за него. Такого раньше не бывало — обычно тот был беспристрастен и не принимал ничью сторону. В сердце Хэ Цзиня на миг вспыхнула радость.

Но Ци Сюй вдруг позволил Чу Цы убедить себя и даже принес извинения. Ему ничего не оставалось, как последовать его примеру, но тут вмешался Чжу Цзе со своим нелепым вызовом...

Компания Чу Цы вела себя всё более вызывающе. Поговаривали, что они затеяли какое-то учебное общество. Ци Сюй и остальные тоже не остались в долгу, основав куда более величественное объединение. Они вели возвышенные беседы, воображая себя талантами из низовий Янцзы.

Сюй Цзянь жил в одной комнате с Чжоу Чэнъюанем и тайком видел их работы. Его восхищение тогда не на шутку рассердило Ци Сюя. Тот в гневе удалился, а Сюй Цзянь заискивающе бросился за ним следом.

Никто не знал, что именно произошло потом, но на ежемесячном экзамене Сюй Цзянь попытался испортить работу Чу Цы. Увы, цель оказалась слишком изворотливой и избежала ловушки. А самым обидным было то, что эти выскочки угадали тему экзамена. Если бы Хэ Цзинь знал об этом раньше, он заставил бы подпевалу вызубрить то сочинение наизусть.

Затем наступил вчерашний день. Хэ Цзинь вмешался в разговор лишь потому, что заметил, как Ци Сюй, стоя в стороне, едва заметно дрожит. Он хотел лишь, чтобы Чу Цы замолчал и все разошлись. Он не ожидал, что увидит Ци Сюя таким.

Тот по-прежнему выглядел образцом добродетели, но в его словах сквозила такая неприкрытая угроза, которую не мог не почувствовать даже Хэ Цзинь, что уж говорить о Чу Цы.

Глядя на то, как Сюй Цзянь принимает вину на себя, юноша почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он всегда втайне презирал Сюй Цзяня и Чжу Цзе, считая их цепными псами Ци Сюя. Они брались за любую грязную работу, ведя себя не как товарищи, а как слуги.

Но человек — не камень. Неужели, видя, как преданный прихвостень из года в год служит тебе верой и правдой, сердце совсем не дрогнет?

Безразличие, промелькнувшее во взгляде Ци Сюя, разбило привычный образ благородного мужа и похоронило те тайные, постыдные надежды, что Хэ Цзинь питал в своей душе.

Ему стало по-настоящему страшно. Страшно, что однажды он станет следующим Сюй Цзянем.

<http://bllate.org/book/15354/1435729>